

Организация писателей Сибири в 1936 году

В мае 1956 г. руководитель Союза писателей СССР Александр Фадеев, готовясь свести счёты с жизнью, в своей предсмертной записке, адресованной ЦК КПСС, подвёл мрачные итоги развития советской литературы и личного опыта писательской деятельности. «Не вижу возможности дальше жить, – написал он, – так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены, или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; всё остальное, мало-мальски ценное, способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. [...] Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена»¹.

Барварский финал сталинской эпохи, повергший А. Фадеева в безысходное отчаяние, вытекал из совокупности множества фактов, известных ему, главе Союза писателей СССР, не только по опыту литераторов, журналистов и публицистов крупных городов, как Москва, Ленинград или Киев. В эту бедственную картину отчётливо вписывались столь же драматические события в провинциальных центрах, где, начиная с 1920-х годов, активно формировались первые творческие союзы интеллигенции и рождались новые писательские силы страны. В предлагаемой публикации содержится небольшой исторический фрагмент, позволяющий проследить характер политических преследований писателей Сибири в 1936 году накануне грандиозной сталинской чистки в структурах советского государства и общества. Описываемый эпизод воспроизводит одну из первых погромных акций НКВД, жертвой которой стала группа молодых литераторов в Новосибирске. Этим погромом открывалась самая мрачная полоса в истории сибирской литературы и в формировании её профессиональных кадров. Потеряв в 1936 г. сначала небольшую творческую группу, уже через год писательская организация Сибири подверглась яростному уничтожению наиболее значимых деятелей литературы и журналистики. Старшее поколение советских публи-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 147–151.

цистов и писателей было сметено террором едва ли не полностью. Вместе с ними пострадали многие из тех, кто только начинал свой творческий путь и в будущем мог бы достойно влиться в писательское сообщество.

Как и в других карательных мероприятиях периода сталинизма, претензии НКВД в отношении литературных работников вытекали из событий предшествующих лет. В феврале 1936 г. секретно-политический отдел (СПО) управления НКВД по Западно-Сибирскому краю арестовал в Новосибирске трёх молодых литераторов – А. Панкрушин², А. Смердова³ и В. Зверева⁴. Из этих троих наиболее значимой фигурой для НКВД был Панкрушин. Он проходил по делу как руководитель созданной им троцкистской группы и как обвиняемый в хранении запрещённой (троцкистской) литературы. Под подозрением спецслужб Панкрушин состоял с 1930 г., после того как был исключен из партии за причастность к разгромленному в тот период «право-левацкому блоку» Сырцова – Ломинадзе. Однако в действительном смысле он имел лишь косвенное отношение к партийной политике и никогда не примыкал ни к каким группировкам. Это был профессиональный литератор, самобытный пролетарский писатель и

² Панкрушин Алексей Арсеньевич – писатель и журналист; 1905 г. р., урож. с. Завидово Сапожковского уезда Рязанской губ.; из семьи сельского учителя; образование среднее (окончил рабфак в Барнауле). В 1920-е годы – сотрудник газеты «Советская Сибирь»; руководитель издательской деятельности журнала «Сибирские огни»; член ВКП(б) с 1927, в ноябре 1930 г. исключён как сторонник «право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе». В 1936 г. был репрессирован; после освобождения жил в Новосибирске, в 1950-е годы – старший инженер производственно-технического отдела строительного треста № 43.

³ Смердов Александр Иванович – журналист и писатель; 1910 г. р., урож. Пермской губ. Образование среднее (рабфак), учился в Новосибирском плановом институте. В 1930-е годы – обозреватель молодёжной газеты «Большевицкая смена» (Новосибирск); в 1935 г. был исключён из института и ВЛКСМ «за протаскивание на страницах печати троцкистской пропаганды» (опубликовал совместно с В. А. Зверевым рецензию в газете на книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»); затем восстановлен. В 1936 г. подвергся аресту по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской группе; был освобождён ввиду прекращения дела. С 1939 г. – ответственный секретарь Новосибирского отделения Союза писателей СССР. В 1964–1975 гг. – главный редактор журнала «Сибирские огни». Умер в 1986 г.

⁴ Зверев Виктор Александрович – литератор, сотрудник Новосибирского отделения Союза писателей; 1912 г. р. Был репрессирован в 1936 г.; отбывал срок заключения в Ухтпечлаге НКВД; освобождён в 1939 г. В 1950-е годы жил в Ташкенте.

журналист в возрасте 31 года, известный как один из создателей сибирского журнала «Настоящее»⁵. В конце 1920-х годов журнал зани-

⁵ «Настоящее» – литературная группа и одноимённый журнал, организованные по инициативе А. Л. Курса в Новосибирске в 1928 г. Журнал издавался до января 1930 г. Наиболее видными сотрудниками и литераторами группы являлись:

Курс Александр Львович – журналист, литератор, сценарист и партработник; 1892 г. р., урож. г. Одесса (по другим источникам – Брест-Литовск). Образование не имел (самоучка). Член ВКП(б) с 1919 г. В конце 1920-х годов – инструктор, завотделом печати Сибкрайкома ВКП(б), с декабря 1927 по декабрь 1929 г. – ответственный редактор газеты «Советская Сибирь». В ноябре 1930 г. был исключен из ВКП(б) по обвинению в поддержке «блока Сырцова – Ломинадзе»; был восстановлен. Арестован 1 июля 1937 г., осуждён 30 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Москве.

Шацкий (Гольдин) Иосиф Исаакович – журналист; 1893 г. р., урож. Белоруссии, в 1925 – 1929 – главный редактор газеты «Советская Сибирь», позднее – редактор газеты «Правда Севера» (Архангельск), журнала «На рубеже» (Хабаровск), газеты «Омская правда». Арестован в июне 1937 г., в 1940 г. приговорен к пяти годам лишения свободы. Умер в заключении в Севвостлаге в декабре 1941 г.

Нусинов Исаак Соломонович – партработник и литератор; 1901 г. р., урож. г. Житомир; в 1920-е годы – секретарь Барнаульского окружкома ВКП(б), затем – в аппарате Сибкрайкома ВКП(б); в 1930 г. – секретарь Томского окружкома ВКП(б), в этом же году переведён в Москву, в аппарат ЦК ВКП(б). В октябре 1930 г. исключён из ВКП(б) и арестован по обвинению в поддержке «блока Сырцова – Ломинадзе»; затем освобождён. Сослан в г. Алма-Ата. Работал старшим научным сотрудником в Казахском НИИ животноводства; вновь арестован 23 декабря 1936 г., осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР 27 сентября 1937 г. к расстрелу.

Каврайский Владимир Александрович – партработник, литератор и социолог; 1891 г. р., урож. г. Симбирска; с января 1921 г. в Сибири: замуполномоченного наркомфина, начальник Сибкрайстатуправления. Член бюро Сибкрайкома ВКП(б), завотделом по работе в деревне. В 1930 г. переведён в аппарат ЦК ВКП(б) (инструктор отдела агитации и пропаганды), преподавал политэкономии в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, член редколлегии журнала «Большевик». В октябре 1930 г. исключён из ВКП(б) и арестован за участие в «блоке Сырцова – Ломинадзе», затем освобождён. Сослан в г. Алма-Ата. Работал замначальника управления Казахского наркомхозучёта; вновь арестован в 1937 г.; осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР 03 октября 1937 г. к расстрелу.

Кудрявцев Николай Александрович – писатель-прозаик; 1901 г. р., урож. д. Лысково Нижегородской губ.; чл. ВКП(б); редактор сибирской краевой газе-

ты «Сельская правда»; зам. редактора журнала «Сибирские огни». В январе 1944 г. погиб на фронте.

Резников Борис – литератор; в конце 1920-х годов – зам. редактора газеты «Советская Сибирь»; с 1930 г. – работник Совнаркома РСФСР.

Попова Ася Сергеевна – секретарь журнала «Настоящее» (жена секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцова). Репрессирована.

Гальперин А.И. – партработник и литератор; в конце 1920-х годов – работник Барнаульского окружкома ВКП(б). В ноябре 1930 г. исключен из ВКП(б) по обвинению в поддержке «блока Сырцова – Ломинадзе». Репрессирован.

Гиндин Максим (Матвей) – литератор; в конце 1920-х годов – зам. редактора газеты «Советская Сибирь». Позднее – в органах печати на железнодорожном транспорте.

Гусев М. – партработник и литератор; в конце 1920-х годов – секретарь Иркутского окружкома ВКП(б).

Гендон Абрам Михайлович (Хаимович) – партработник и литератор; 1902 г. р., урож. г. Енисейска Красноярского края. Образование – восемь классов гимназии. В конце 1920-х годов – в аппарате Сибкрайкома ВКП(б): завинформационным отделом; в 1930 г. – завсектором промышленности в редакции газеты «Советская Сибирь»; позднее – управляющий Западносибирским геологическим трестом в Томске. Член ВКП(б) с 1920 г. Активно сотрудничая с редакцией журнала «Настоящее», ни одной статьи не опубликовал. В 1930 г. исключен «за связь и примиренческое отношение к двурушникам Нусинову и Каврайскому»; в конце 1931 г. восстановлен. Арестован 25 сентября 1936 г.; постановлением Особого совещания НКВД от 02 июня 1937 г. приговорён к пяти годам ИТЛ по обвинению в троцкистской деятельности. Освобождён 18 октября 1942 г. С 1948 г. проживал на спецпоселении.

Иванов Евгений Филиппович – литератор и журналист; 1895 г. р., урож. с. Шемшура Самарской губ.; образование незаконченное высшее. Подверглся аресту в 1920 г. по обвинению в службе в армии Колчака; был приговорён 10 апреля 1920 г. Особым отделом 5-й армии к заключению в концлагерь до окончания гражданской войны. С 1920 г. – литературный сотрудник газеты «Советская Сибирь». Умер в 1973 г.

Степанов Николай Евдокимович – журналист; 1903 г. р., урож. д. Мошино Барабинского района Запсибкрая. Образование неполное среднее. В 1928 г. – ответственный редактор окружной газеты «Барабинская деревня»; с осени 1928 г. – редактор сибирской краевой газеты «Сельская правда». Активный сотрудник группы и журнала «Настоящее». Член ВКП(б) с 1922 г.; в 1930 г. исключен за «за двурушничество и связь с праволевацкой группой Нусинова – Каврайского», но был восстановлен. Повторно исключен 22 августа 1936 г. в связи с арестом. После роспуска группы «Настоящее» – редактор томской окружной газеты «Красное знамя», затем – корреспондент «Советской Сибири» в г. Сталинске. Арестован 15 сентября 1936 г. по обвинению в троцкизме. Постановлением ОСО от 2 июня 1937 г. приговорен к восьми годам лишения свободы. Срок отбывал во Владимирской тюрьме. Постановлением тройки УНКВД Ива-

мал видное место среди сибирских периодических и художественных изданий в немалой степени благодаря тому, что в его подготовке принимала участие целая группа творческой интеллигенции из окружения секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцова⁶. С историей этого журнала во многом и был связан арест Панкрушина, а затем и других сибирских писателей и публицистов.

Журнал «Настоящее» издавался в Новосибирске в 1928 – начале 1930 г. На общем литературном фоне он представлял собой весьма оригинальное советское издание авангардистского типа с заметным «левацким» уклоном. Создавая журнал и одноимённую творческую группу, их организаторы – А. Курс, А. Панкрушин, И. Нусинов, В. Каврайский – по примеру литераторов группы ЛЕФ рассчитывали дать жизнь новому направлению в литературе. В выпущенной ими декларации объявлялось, что «Настоящее» ставит своей целью неустанную борьбу против «литературы прошлого» – лживой нэповской и буржуазной «литературы вымысла» – за «литературу настоящего», которая является «литературой факта», единственно правильной и отвечающей советской эпохе. В целом теория «настоящихцев» (само-название группы) сводилась к отрицанию художественной литературы вообще, к замене её очерком и фактографическим описанием событий, а их идейная платформа выражалась в стремлении «преодолеть правую опасность в литературе». Группа и журнал проводили свои мероприятия с шумом и примесью эпатажа; устраивали эффектные диспуты, широкие публичные выступления, часто нападали на своих противников с напором и остроумием, не щадя никаких авторитетов. Под огонь их критики попадали многие известные российские писатели: М. Шолохов, В. Катаев, Б. Пильняк, Вс. Иванов, А. Платонов, М. Горький, А. Фадеев. В дополнение ко всему журнал (с ведома Сыр-

новской области от 8 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 1 февраля 1938 г.

Голубчик Борис Маркович – сотрудник газеты «Советская Сибирь» в конце 1920-х годов; позднее – замредактора газеты «Большевицкая сталь» (г. Сталинск).

⁶ Сырцов Сергей Иванович – советский партийный и государственный деятель; в 1926–1929 гг. – секретарь Сибкрайкома ВКП(б); до приезда в Сибирь работал в аппарате ЦК ВКП(б) в должности завотделом. Член ЦК ВКП(б) (1927–1930), кандидат в члены Политбюро (1929–1930); председатель Совнаркома РСФСР (1929–1930). В 1930 г. выступил во главе группы руководящих работников, добивавшихся смещения Сталина («право-левацкий блок Сырцова – Ломинадзе»). После исключения из партии – управляющий трестом. В 1937 г. арестован и расстрелян.

цова) опубликовал под псевдонимами несколько статей видных троцкистов Л. Сосновского и А. Воронского, отбивавших ссылку в Сибири и других местах.

После двух лет раздражительной деятельности «настоящцев» политическое руководство страны решило наконец закрыть журнал и запретить группу. Как только в ЦК ВКП(б) стало готовиться соответствующее решение, московские сторонники группы приняли свои меры. Поздней осенью 1929 г. по предложению Сырцова (он был переведён Сталиным в Москву на пост председателя СНК РСФСР) в Новосибирск был отправлен специальный посланник, сотрудник СНК РСФСР Резников, чтобы подготовить организованное отступление. Все члены «Настоящего», находившиеся в городе, собрались на квартире Каврайского, где и состоялось их совещание. Резников выступал от имени Сырцова. Он сообщил, что в связи с резкими выступлениями «Настоящего» против Максима Горького ЦК готовит решение о роспуске «Настоящего», и поэтому Сырцов считает желательным, чтобы «Настоящее» заблаговременно приняло меры к самороспуску, а также выступило с заявлением о своих ошибках. Участники совещания поддержали это предложение. Было решено в ближайшем номере журнала объявить в умеренной форме о самороспуске группы и о признании ошибок журнала в литературных вопросах. На этом же совещании у Каврайского говорилось о том, что сотрудники и единомышленники «Настоящего» в дальнейшем не должны терять друг друга из виду и впредь поддерживать между собою связи. Никаких записей и протоколов на совещании не велось.

В конце декабря 1929 г. в центральной печати, а затем и в местных изданиях было опубликовано постановление ЦК ВКП(б), которое окончательно определило судьбу «Настоящего». Оно носило название «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького» и содержало резкую политическую оценку⁷. Журнал был обвинен в «левых перегибах в линии и деятельности литературных организаций» и вскоре прекратил существование.

В ноябре 1930 г., в результате острого столкновения с группировкой Сталина, рухнула карьера самого Сырцова. Поскольку сотрудники журнала поддерживали с Сырцовым тесные связи и пользовались его покровительством, часть из них подверглась строгим взысканиям. По постановлению Центральной контрольной комиссии при ЦК ВКП(б) А. Панкрушин, И. Нусинов и В. Каврайский в ноябре 1930 г. были исклю-

⁷ Правда. 1929. 26 дек.

чены из партии за «неразрывную связь с право-левацкими двурушниками». А. Курс ещё в конце 1929 г. отстранён от должности редактора краевой газеты «Советская Сибирь». Большинство сотрудников «Настоящего» из-за травли вынуждено было покинуть Новосибирск.

Панкрушин стал работать в томской окружной газете «Красное знамя», а затем перешёл в редакцию новосибирской молодёжной газеты «Большевицкая смена» на должность ответственного секретаря. Обладая несомненным литературным талантом, он продолжал заниматься писательским трудом: публиковал статьи и рассказы («Сибирские огни». 1934. № 4, 5), участвовал в подготовке молодых журналистов, преподавал курс литературы для начинающих сотрудников. Между тем управление НКВД в Новосибирске постепенно накапливало компрометирующие сведения о Панкрушине и его молодых коллегах. Используя донесения секретных агентов, оно вскоре пришло к заключению, что в литературной среде образовалась «троцкистская контрреволюционная группа» во главе с Панкрушиным. В воскресенье 12 февраля 1936 г. на своей квартире в Доме писателей по улице Челюскинцев Панкрушин был арестован. В ходе обыска чекисты изъяли у него «вещественные доказательства»: троцкистскую «платформу 83-х», рассказ «Солнце над ковылями», «содержащий критику партии в области строительства социализма в деревне», а также запрещённые книги – собрания сочинений Зиновьева и Троцкого.

Спустя два дня после ареста началось так называемое следствие. Его вели сотрудники СПО УНКВД С. П. Попов и Е. Ф. Дымнов. Уже на первом допросе Панкрушину был предъявлен целый набор обвинений, избличавших его как государственного преступника. Ему вменялось в вину хранение нелегальной литературы, «организация контрреволюционной вылазки в печати» (имелась в виду публикация его учениками А. Смердовым и А. Пугачёвым⁸ в молодёжной газете «Большевицкая смена» осенью 1935 г. восторженного отзыва о книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). Кроме того, Панкрушин уличался в том, что по его вине в 1933 г. журнал «Сибирские огни» допустил публикацию «антисоветского очерка» А. Бека и

⁸ Пугачёв Александр Романович – литератор и журналист; сотрудник газеты «Большевицкая смена» (Новосибирск); В 1935 г. был исключён из рядов ВЛКСМ «за протаскивание на страницах печати троцкистской пропаганды» (опубликовал совместно с А. Смердовым рецензию в газете на книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). Подвергался аресту в 1936 г. по обвинению в участии в троцкистской группе; был освобождён ввиду прекращения дела. В 1950-е годы жил в Томске.

Л. Тоома «Доменщик Курако»⁹. Но главным пунктом служило обвинение в создании контрреволюционной троцкистской организации.

С первых же шагов процедура следствия приняла характер своеобразного политического торга; условия торга при этом диктовало следствие, а обвиняемому предстояло выторговать себе некоторую долю снисхождения. Между тем, у самого арестованного не было ясного представления о возможном финале его «дела». Ещё недавно он был видным и вполне благополучным коммунистом, «ответственным литературным работником» с пролетарским происхождением и потому сохранял уверенность, что советское правосудие способно внимательно разобраться и установить действительную виновность человека, прежде чем вынести приговор. И уж, во всяком случае, оно не станет выдвигать «необоснованные обвинения». Поощряемый следователями НКВД Панкрушин решил «встать на путь чистосердечного признания».

Уже в ходе первого допроса, проходившего в форме беседы (официальные протоколы не велись, а оформлялись позднее по сценарию чекистов), он сказал следователю Попову, что признаёт свою вину в хранении запрещённой литературы и что в политических взглядах имеет некоторые отклонения от линии партии, о которых готов откровенно рассказать¹⁰. После этого он стал излагать суть своих расхождений с партией. Панкрушин говорил, что был не согласен с внутрипартийным режимом в ВКП(б), что Сталин подавил внутрипартийную демократию и что это вредно отражается не только на партии, но на всей идеологической жизни страны, в особенности в области искусства и литературы. Он отметил также, что Сталин прибегает к методам террора и запугивает своих политических противников, а с ними – всю партийную массу, используя для этого такое острое оружие, как организация фиктивных политических процессов, в частности, процессы Промпартии и по делу об убийстве Кирова. Коснувшись далее вопроса о чистке партии, арестованный признался, что эту крупнейшую политическую акцию он воспринимал с недоверием, считал её вредной затеей и подчеркивал, что этим мероприятием партия не достигнет цели, так как каждый дальнейший нажим плодит двурушничество. От оценки партийной жизни Панкрушин перешёл затем к сфере искусства и литературы. Он сказал следователю, что положение в этой области считает особенно тяжёлым: подавляются инициатива и стремление к «подлинно новому художественному разрешению за-

⁹ См.: Сибирские огни. 1933. № 7–8. С. 3–31.

¹⁰ О содержании допросов и характере следствия А.А. Панкрушин дал подробные письменные показания в марте 1956 г. в УКГБ по Новосибирской области, в период реабилитации.

дач»; одновременно создается обстановка, благоприятствующая распространению бездарностей и подхалимствующих элементов.

Так, переходя от одного пункта «отклонений» к другому, Панкрушин сообщил, наконец, что критическими взглядами на политику Сталина неоднократно делился с молодыми товарищами, начинающими литераторами Виктором Зверевым и Василием Александровым¹¹. «[...] Моё влияние на Зверева и Александрова было достаточно большое, – отмечал он. – Они поддерживали меня на собраниях в Союзе писателей, видели во мне авторитета как в литературных, так и в политических вопросах. Я считал своей обязанностью постепенно литературно и политически воспитывать их в духе самостоятельного и критического мышления, причём в особенности по отношению к сталинской политике, но при этом я не имел желания, ни взглядов таких, чтобы воспитывать их в духе враждебности к партии и советской власти в целом. Что касается Пугачёва и Смердова, то с ними я был связан меньше, встречался реже и считал, что они не входят в сферу моего влияния»¹².

Пока Панкрушин делился признаниями, следователь Попов неторопливо делал своё дело: вслед за рассказчиком он составил от руки текст – нечто вроде протокола допроса – и в конце разговора предъявил его арестованному для подписи. Текст привёл Панкрушина в замешательство. В нём говорилось, что он признаёт себя виновным в организации контрреволюционной троцкистской группы, в которую также вовлёк Зверева и Александрова; что он проводил с членами группы систематические контрреволюционные собрания и вёл троцкистскую пропаганду.

Панкрушин начал протестовать и заявил, что такой текст не подшит. Он решительно возразил против квалификации группы как троцкистской, а также против того, чтобы частные встречи и беседы фигурировали в протоколе как «контрреволюционные собрания». Следователь не стал настаивать на формулировках. Он отправил арестованного обратно в тюремную камеру и посоветовал «подумать».

¹¹ Александров Василий Иванович – литератор-самоучка; 1909 г. р., урож. с. Пресновка Радченского района Воронежской губ. Образование семь классов. Начинал трудовую карьеру библиотекарем, затем был рабочим на заводе «Сибкомбайн». В журналистику пришёл как «рабочий-призывник в литературу». Секретарь оргкомитета отделения Союза писателей (Новосибирск), сотрудник газет водников «На вахте» и «Советская Сибирь». В 1936 г. репрессирован; отбывал срок заключения в Ухтайжемлаге НКВД; освобождён в 1939 г. В 1950-е годы жил в с. Богучаны Красноярского края, работал бухгалтером в промкомбинате.

¹² Архив УФСБ по НСО. Д. 18812. Л. 147–148.

Через два или три дня допрос возобновился. На этот раз всё повторилось с той же последовательностью: Панкрушину опять было предложено подробно рассказать о своих взглядах, «связях» и единомышленниках. А затем вновь продолжился торг. Выслушав серию новых осторожных откровений арестованного, Попов заявил, что «разоружаться надо до конца, надо ставить точки над і». Если арестованный признаёт свои отклонения от линии партии и тот факт, что он внушал эти отклонения своим сторонникам, он должен быть последовательным до конца и назвать все вещи своими именами – так, как их называет партия. А партия расценивает такие взгляды и такие объединения единомышленников в качестве контрреволюционных и именно троцкистских. Следовательно, если бывший коммунист хочет разоружиться до конца и признать свою неправоту, он должен не упрямиться по поводу формулировок, а подписать без единой оговорки то, что записано в протоколе. Иначе такое разоружение станет неполноценным, и партия будет рассматривать отступника как своего врага, – закончил Попов.

Против такой неотразимой политической логики возразить было нечего. Панкрушину в конце концов пришлось признать простую, но бесспорную истину: следователь НКВД в данный момент и есть партия в её, так сказать, самом актуальном – тюремно-следственном – выражении. «Не чувствуя и не пытаясь чувствовать себя врагом партии, я наконец согласился подписать этот протокол»¹³, – отметил он в более поздних показаниях. С этого момента следователи стали официально оформлять показания арестованного, интерпретируя их так, как считали нужным. «[...] Все протоколы моих показаний, – рассказывал Панкрушин в 1956 г., – записывались следствием без моего присутствия. Со мной проводились предварительные собеседования, потом я вызывался на допрос вторично и мне зачитывали готовый протокол. Причём я иногда оспаривал отдельные формулировки, в некоторых случаях следователь разрешал внести изменения, но в большинстве случаев следователь не соглашался с моими поправками и требовал подписать протокол так, как он сформулирован».

В результате в показаниях Панкрушина появились подробные рассказы о встречах и разговорах на злободневные темы о том, какое впечатление на друзей и знакомых производили книги троцкистов из его библиотеки, закрытые материалы партийных съездов и в особенности – политическое «завещание Ленина».

¹³ Там же. Л. 149.

«До 1934 г. у нас между собой не было антисоветских разговоров, – отмечалось в одном из протоколов. – Разговаривали только по вопросам литературы. Затем в работе над одной литературной вещью Звереву потребовалась политическая консультация. Человек он был в политическом отношении мало подкованный. Я ему эту консультацию давал, и вот в чём оказалось моё разлагающее влияние на Зверева. Я ему давал легальную троцкистскую литературу примерно с такой установкой, что, дескать, посмотри, почитай, разберись. Из материалов, не имеющих открытого доступа, я Звереву давал бюллетень XV партийного съезда с завещанием Ленина. Это было в начале 1935 г. Этот документ произвёл на Зверева потрясающее впечатление. Я Звереву тут же выразил свою точку зрения на этот документ. Зверев был удивлён – почему партийный съезд не принял во внимание этот документ и поставил у руководства партии тов. Сталина. Я Звереву не давал чисто троцкистской оценки этого документа, но это был сам по себе факт контрреволюционного порядка. Затем должен отметить следующий факт, который относится к более позднему периоду. Я показал Звереву выдержку из статьи т. Сталина на пленуме ВЦСПС, в которой т. Сталин говорит о том, что Троцкий хорошо дрался в первые дни Октября. Эта фраза также произвела на Зверева потрясающее впечатление...

«Незадолго до моего ареста, – показывал далее Панкрушин, – Зверев обратился ко мне с вопросом – по какому пути пошла бы революция и как изменилось бы положение внутри Советского Союза, если бы у руководства партии стоял Троцкий? Это был наводящий вопрос, смысл которого состоял в том – не изменилось бы положение в лучшую сторону, если бы руководителем партии был Троцкий? Зверев сам ответил на свой вопрос, высказав такой взгляд, что Троцкий уделял больше внимания вопросам международной революции. [...] Я предупредил Зверева о том, чтобы он никому не высказывал своих взглядов такого порядка [...]. Александров также усиленно тянулся ко мне. Моё знакомство с ним относится к 1934 году. [...] Общее настроение Александрова было каким-то бунтарским. Однажды в 1935 году по приезду из Евпатории Александров пришёл ко мне и сказал: «Алёша, дай мне троцкистскую платформу». Я спросил: «Зачем?» Он сказал: «Я пишу произведение, относящееся к периоду 1927 года, и хочу подробно ознакомиться с партийной борьбой по всем источникам». Такое заявление со стороны Александрова мне показалось провокационным, и я порекомендовал ему пойти в НКВД или секретный отдел крайкома и там ознакомиться с платформой оппозиции. Имеющуюся у меня платформу троцкистов я Александрову не дал. [...] У Александрова имелись резко выраженные контрреволюционные троцкистские настрое-

ния. Я не прилагал никаких усилий к тому, чтобы разубедить его в не-правильности взглядов. Я не видел в этом необходимости, исходя из моих установок: пусть каждый развивается как может [...]»¹⁴.

В конце февраля 1936 г. вслед за Панкрушиным были арестованы двое молодых его учеников, «члены троцкистской группы»: Виктор Зверев и Василий Александров. Их также провели через серию допросов и очных ставок, добившись признательных показаний. По настоянию следователя Виктор Зверев, в частности, рассказал о том, каким образом у него оказался найденный при обыске «идеологически вредный» рассказ Панкрушина «Солнце над ковылями».

«Этот рассказ, – показал Зверев, – Панкрушин принёс ко мне на квартиру, предложив дать свои замечания. Я тогда в рассказе не разобрался и оставил его у себя для более подробного ознакомления. Таким образом, этот документ и сохранялся у меня до последнего времени. Теперь же, после его изъятия, для меня совершенно очевидно, что рассказ вреден, так как он политически извращает общественную и партийную помощь деревне, высмеивает её. Все уполномоченные, прибывшие в совхоз для оказания помощи в работе, выведены в рассказе исключительно отрицательными типами, проходимцами, жуликами, шкурниками. Таким образом, рассказ Панкрушина является сплошной издѣвкой, антисоветским пасквилем, высмеивающим и извращающим политику партии. [...] Со слов самого Панкрушина мне известно, что этот его рассказ читали Высоцкий Анатолий Васильевич¹⁵, член ВКП(б), редактор «Сибирских огней», его заместитель, член ВКП(б) Кудрявцев Николай и кто-то еще из той же редакции [...]».

Постепенно в ходе следствия были получены компрометирующие сведения на ряд других газетных работников и их единомышленников. По итогам допросов Панкрушина начальник УНКВД по Запсибкраю специальным постановлением потребовал «выделить в особое производство и начать расследование двурушнической и антисоветской деятельности» в отношении Н. А. Кудрявцева, А. Шмакова, И. Т. Гуль, А. Смирнова и А. П. Кабанова¹⁶.

¹⁴ Там же. Л. 19–20.

¹⁵ Высоцкий Анатолий Васильевич (1897 – 1970) – сибирский писатель и критик; в начале 1930-х годов – редактор журнала «Сибирские огни».

¹⁶ Гуль Иван Трофимович – газетный работник; 1902 г. р., урож. г. Брест-Литовск Гродненской губ. Образование – двухклассное жд. школа. Член ВКП(б) с 1919 г.; исключен в 1935 г. в связи с арестом по обвинению в участии в троцкистской группировке; после четырех месяцев следствия из-под ареста освобожден. С 1933 г. – секретарь редакции газеты «Советская Сибирь». Вновь арестован 31 июля 1937 г. по обвинению в троцкистской деятельности. По-

Таким образом, круг подозреваемых литераторов заметно расширился. Но к некоторым арестованным следствие вскоре проявило снисхождение. В конце марта 1936 г. комсомольцы А. Смердов и А. Пугачёв были выпущены на свободу, их уголовное дело прекращено ввиду того, что «достаточных данных для предания суду не добыто». Другим арестованным повезло в меньшей степени: их ожидал концлагерь НКВД. Обвинительное заключение, составленное следователями Поповым и Дымновым, отразило весь спектр преступных деяний «троцкистской группы». В нем говорилось:

«[...] Следствием установлено, что Панкрушин А.А., примкнув к к.-р. троцкизму в 1928 г., активно включился в практическую подпольную к.-р. троцкистскую деятельность и как участник право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе и руководящий работник журнала «Настоящее», проводил активную организационную к.-р. деятельность в области сколачивания к.-р. кадров и пропаганду через печать к.-р. троцкизма.

Будучи в 1930 г., в связи с разгромом право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе, исключенным из рядов ВКП(б), Панкрушин А. А. сохраняя враждебные партии взгляды, организационную к.-р. троцкистскую деятельность временно прекратил и в 1934 г. возобновил её, приступив к выявлению и обработке сторонников к.-р. троцкизма среди писательской молодёжи гор. Новосибирска, а к концу 1935 г. создал к.-р. троцкистскую группу из числа обработанных им писателей Зверева В. А. и Александрова В. И.

В качестве одного из примеров обработки в к.-р. троцкистском духе Панкрушин А.А. использовал метод «литературной консультации» и популяризации троцкистской литературы. Участники к.-р. группы систематически встречались в квартире Панкрушина А. А., где обсуждали политику ВКП(б) и Коминтерна в духе к.-р. троцкизма. Помимо этого под видом «литературных вечеринок» периодически устраивали собрания, приглашали на них и других писателей и литработников гор. Новосибирска и на этих собраниях читали стихи упаднического характера.

Участник к.-р. группы Александров В. И. в январе м[еся]це 1936 г. открыто выступил в редакции газеты «На вахте» с к.-р. клеветническим заявлением в отношении руководства ВКП(б) и, в частности, т. Сталина.

становлением Особого совещания НКВД от 27 октября 1937 г. приговорён к восьми годам ИТЛ.

Кабанов Алексей Петрович – рабфаковский учитель А. Панкрушина.

Шмаков Александр – работник кооперации и торговли; в середине 1930-х годов – зампредела Запсибкрайпотребсоюза, затем – в Кузбассторге; член ВКП(б); знакомый А. Панкрушина.

Смирнов Анатолий – знакомый А. Панкрушина.

Возглавлявший к.-р. группу Панкрушин А. А. написал и пытался поместить на страницах печати (в журнале «Сиб. огни») рассказ «Солнце над ковылями», содержащий в себе к.-р. критику политики ВКП(б) в области соц. строительства [сельского] хозяйства. Указанный документ Панкрушин читал участнику к.-р. группы Звереву В. А. и получил со стороны последнего одобрительный отзыв.

Следствием также установлено, что Панкрушин А. А. установил и поддерживал связь в Москве с быв. активным участником право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе писателем-троцкистом Семениным Петром. А также ставил своей задачей установление связи с б[ывшими] участниками право-левацкого блока Курсом, Нусиновым и др.»¹⁷.

10 июля 1936 г. дело «троцкистской группы» Панкрушина было заочно рассмотрено внесудебным порядком – в Особом совещании при НКВД СССР. На основании статьи 58-10 и 58-11 УК РСФСР Зверев и Александров получили по три года, Панкрушин – пять лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Тюремное заключение они отбывали в Воркутинских лагерях Гулага.

Разгром «группы Панкрушина» стал первым актом в серии последующих политических разоблачений литераторов Сибири. В сентябре 1936 г. УНКВД арестовало ещё двух бывших сотрудников журнала «Настоящее»: Николая Степанова и Абрама Гендона. Как и предшественников, их обвинили в причастности к троцкистской деятельности в составе нелегальной организации и постановлением Особого совещания от 2 июня 1937 г. приговорили к пяти и восьми годам ИТЛ.¹⁸

Но наступивший 1937 год уравнивал литераторов всех мастей: различий между идейными направлениями больше не делалось. Чистка приняла универсальный характер. После того, как все бывшие сотрудники журнала и группы «Настоящее» оказались в тюрьме, репрессии распространились на других писателей, журналистов, публицистов и издателей. В ходе массовых арестов исчезли такие видные литераторы Сибири, как М. Кравков, В. Итин, А. Ансон, М. Ошаров, Гинцель, Г. Вяткин, П. Васильев, Е. Забелин, И. Гольдберг. Многих известных деятелей словесности гибель от рук НКВД настигла уже после того, как они покинули Сибирь. А. Курс был арестован и расстрелян в Москве, И. Нусинов и В. Каврайский – в период ссылки в Казахстане. В Москве репрессированы и погибли писатели-сибиряки В. Заzubрин и В. Правдухин.

¹⁷ Архив УФСБ по НСО. Д. 18812. Л. 121–122.

¹⁸ Там же. Д. 10421. Л. 72.

Террор второй половины 1930-х годов произвёл масштабную социальную селекцию, уничтожив целый слой творческой интеллигенции. Оценить до конца реальные последствия этой безумной утраты – как человеческие, так и интеллектуальные – практически невозможно. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем из-под глыб и завалов будут извлечены на свет имена всех жертв, станут известны потерянные труды, появится возможность представить действительное место и роль зарождавшейся, но рано исчезнувшей необычной литературной ветви, созданной революционной эпохой.